

Генеральная Ассамблея

Distr.: General

28 June 2001

Russian

Original: English/French

**Комиссия Организации Объединенных Наций
по праву международной торговли**

Тридцать четвертая сессия

Вена, 25 июня – 13 июля 2001 года

**Проект конвенции об уступке дебиторской
задолженности в международной торговле****Подборка замечаний правительств и международных
организаций****Добавление****Содержание**

	<i>Страница</i>
I. Введение	1
II. Подборка замечаний	2
Канада	2

I. Введение

В настоящей записке воспроизводятся замечания по проекту конвенции об уступке дебиторской задолженности в международной торговле, полученные после издания замечаний, воспроизводимых в документе A/CN.9/490 и добавлениях 1–4 к нему. Дальнейшие замечания будут издаваться по мере возможности в добавлениях к настоящей записке в порядке их получения.

II. Подборка замечаний

Канада

[Подлинный текст на английском и французском языках]

Канада представляет следующие замечания в отношении проекта конвенции ЮНСИТРАЛ об уступке дебиторской задолженности в международной торговле. Мы хотели бы подчеркнуть, что вероятность принятия проекта конвенции большим числом государств возрастет, если основные положения этого проекта, в частности нормы, касающиеся приоритета, будут сформулированы несложным языком и будут простыми для понимания и применения. С этой целью мы хотели бы призвать Комиссию рассмотреть вопрос об упрощении формулировок, где это возможно, в ходе рассмотрения текста на тридцать четвертой сессии.

Оборотные инструменты (статья 4.1(b)): Существующая формулировка статьи 4.1(b) не в полной мере отражает установку, согласно которой проект конвенции не должен препятствовать правам лица в соответствии со специальным правом, применимым к оборотным инструментам. С другой стороны, неумышленным результатом этой формулировки может быть исключение дебиторской задолженности из проекта конвенции лишь на том основании, что она будет подтверждаться оборотными инструментами, даже в тех случаях, когда противоречий с правом, регулирующим оборотные инструменты, не будет. Соответственно статью 4.1(b) следует заменить каким-либо положением, лучше отражающим подход, лежащий в основе проекта конвенции, например следующим:

"Ничто в настоящей Конвенции не затрагивает прав лица согласно [специальному] праву, применимому к оборотным инструментам".

Мы также полагаем, что не следует пытаться дать определение "оборотного инструмента" или "ценных бумаг", оставив эти вопросы на усмотрение национального права. Вместе с тем в положениях конвенции, касающихся ценных бумаг, следует использовать термин "ценные бумаги" вместо термина "инвестиционные ценные бумаги".

В другом плане, мы не видим необходимости конкретно затрагивать вопрос о передаче оборотных инструментов путем бухгалтерской проводки в бухгалтерских книгах банка-депозитария. Большую часть времени косвенно хранимые таким образом оборотные инструменты будут рассматриваться согласно внутригосударственному праву как "ценные бумаги". В этом случае будут применяться исключения, предусматриваемые в статьях 4.2(d) и 4.2(f). С другой стороны, не следует исключать передачи оборотных инструментов, не являющихся ценными бумагами, только на том основании, что они хранятся банком-депозитарием, если согласно внутригосударственному праву передача не представляет собой переуступку.

Защита потребителя: утвержденную Комиссией установку в отношении вопросов защиты потребителя можно было бы лучше отразить, включив следующее общее положение:

"Ничто в настоящей Конвенции не затрагивает права и обязательства cedentа и должника в соответствии с [специальным] правом, регулирующим защиту [сторон] [участников] сделок, совершаемых для личных, семейных или домашних целей".

С включением этой новой формулировки фраза "без ущерба для...", содержащаяся в статьях 21.1 и 23, будет ненужной и ее нужно будет снять. Следует учесть, что вышеизложенная формулировка касается любого применимого права по защите потребителя, а не только права, касающегося защиты потребителя в государстве, в котором находится должник.

Момент уступки (статья 10): Ранее в некоторых положениях проекта конвенции содержалась ссылка на момент уступки. Эти положения были изменены таким образом, что ссылка делается на заключение договора уступки (например, см. статью 3). Мы предлагаем исключить статью 10, которая уже не нужна и может вызвать путаницу.

Применимое право в территориальных единицах (статья 37): Предлагаемый текст статьи 37 дает полезное разъяснение для государств с федеративным устройством, в которых федеральным законодательством не регулируются вопросы, затрагиваемые положениями глав IV и V, касающимися выбора права. Вместе с тем мы сомневаемся в целесообразности для всех государств включения внутренних коллизионных норм соответствующей территориальной единицы. Вместо того чтобы указывать в проекте конвенции норму, предусматривающую обратную отсылку к внутреннему праву, можно было бы предоставить возможность договаривающемуся государству, желающему принять такую норму, сделать соответствующее заявление об этом.

Право, применимое к вопросу о действительности уступки с точки зрения формы (статья 8 и возможное новое положение главы V): Комиссии было предложено рассмотреть вопрос о включении в главу V положения, аналогичного статье 8, касающегося права, применимого к вопросу о форме уступки. У нас есть определенные сомнения в отношении охвата статьи 8 в ее нынешней формулировке.

В статье 8 затрагивается вопрос о действительности уступки с точки зрения формы для права государства, в котором находится cedent, однако оставлена также возможность выбора правовых норм государства суда, если эти нормы предусматривают применение другого права для определения действительности с точки зрения формы. По нашему мнению, при таком подходе создается возможность коллизии с политикой, лежащей в основе нормы, касающейся выбора права, которая содержится в статье 24. В интересах определенности и предсказуемости в статье 24 установлено требование об исключительном применении права места нахождения cedentа в отношении вопросов, касающихся приоритета интереса цессионария. Тем не менее некоторые требования, которые можно считать относящимися к "действительности уступки с точки зрения формы" – например, требования в отношении нотариального заверения, письменной формы или регистрации – могут также считаться относящимися к "приоритету", например, в тех случаях, когда такие требования представляют собой с точки зрения права места нахождения cedentа необходимое условие для действительности уступки в качестве имущественного права или для получения цессионарием права заявлять требование о приоритете

права в уступленной дебиторской задолженности по отношению к правам конкурирующих заявителей требований. Такая опасность дублирования положений статей 8 и 24 означает, что третьи стороны, включая возможных цессионариев, не будут иметь возможности заранее определить, может ли уступка, с точки зрения формы не являющаяся действительной согласно праву места нахождения цедента, все же являться действительной, если судебный спор будет слушаться в государстве, в котором действительность с точки зрения формы определяется иным правом, содержащим иные нормы, регулирующие вопросы формы.

Наши опасения будут сняты, если ограничить статью 8 определением права, применимого к вопросу о действительности с точки зрения формы, лишь в той мере, в какой это касается взаимных прав и обязательств цедента и цессионария по заключенному ими договору уступки. Вместе с тем полезность такой ограниченной нормы, касающейся выбора права, является спорной, и, возможно, лучше было бы просто исключить статью 8.

Право, применимое к вопросу о "характерных свойствах и приоритете" права цессионария в уступленной дебиторской задолженности; значение "характерных свойств права"; определение "приоритета" (статья 24, пункт 1(a), 2; статья 5, пункт (g), а также соответствующие положения статьи 31): Мы испытываем озабоченность в отношении неясности и неполноты положений проекта конвенции, определяющих право, применимое к вопросу о приоритете права цессионария в уступленной дебиторской задолженности. Значение содержащейся в пункте 1(a) статьи 24 (и в статье 31) ссылки на "характерные свойства" права цессионария не является самоочевидным. Попытка разъяснить его, предпринятая в пункте 2, также не обеспечивает надлежащей ясности. Мы предлагаем лишь указать, что "приоритет права цессионария" по отношению к правам конкурирующих заявителей требований регулируется правом места нахождения цедента. В то же время мы считаем, что касающиеся приоритета вопросы, регулируемые правом места нахождения цедента, должны быть более четко разграничены таким образом, чтобы было прямо указано следующее (когда это имеет отношение к определению приоритета):

- 1) правовой характер права цессионария в уступленной дебиторской задолженности (в том числе, является ли оно личным или имущественным правом и является ли оно абсолютным правом или же обеспечительным правом);
- 2) любые шаги, которые необходимо предпринять для того, чтобы приоритет права цессионария в уступленной дебиторской задолженности был действительным по отношению к правам конкурирующих заявителей требований (формализация); и
- 3) порядок очередности титула или требования любого лица в уступленной дебиторской задолженности по отношению к любому конкурирующему титулу или требованию.

Право, применимое к вопросу о "характерных свойствах и приоритете" прав цессионария и конкурирующих заявителей требований в некоторых категориях поступлений (статья 24, пункты 1(b) и 1(c) и соответствующие положения статьи 31): Мы испытываем озабоченность в связи с сохранением в проекте конвенции норм, регулирующих выбор права в пунктах 1(b) и 1(c)

статьи 24, которые в настоящее время заключены в квадратные скобки (а также соответствующих положений в статье 31). Эти нормы определяют право, применимое к вопросу о "характерных свойствах и приоритете" прав цессионария или конкурирующего заявителя требования в поступлениях по дебиторской задолженности, полученных в форме оборотных инструментов, инвестиционных ценных бумаг, хранение которых обеспечивается с помощью услуг посредника, осуществляющего операции с ценными бумагами, а также банковских депозитов. По нашему мнению, в течение ограниченного времени, имеющегося в распоряжении Комиссии, невозможно достичь соглашения в отношении надлежащим образом определенных международно признанных норм, регулирующих выбор права в этих областях. Мы опасаемся, что любая попытка сделать это может поставить под угрозу общую приемлемость конвенции. В этой связи мы отмечаем, что из конвенции исключена уступка этих категорий нематериальных активов: см. статью 4, пункты 1(b), 2(e) и (f). Было сочтено, что разработка единообразного международного правового режима, включая единообразный международный режим в отношении выбора права, определяющего вопросы приоритета, сама по себе представляет собой отдельный проект в области унификации права. Это соображение равным образом касается определения права, применимого к вопросу о приоритете, в соответствующих категориях активов, когда они представляют собой поступления по дебиторской задолженности, поскольку нормы, регулирующие выбор права, должны быть идентичны нормам, применимым к вопросу о приоритете права в таких активах, приобретаемого цессионарием при прямой уступке. В связи с этим мы предпочли бы заменить заключенные в квадратные скобки слова в пунктах 1(b) и (c) статьи 24 (и соответствующие слова в статье 31) следующим положением: "Приоритет требования цессионария в отношении поступлений регулируется правом, применимым в силу норм частного международного права". Включение такого положения позволило бы подтвердить, что содержащаяся в статье 24 (и в статье 31) проекта конвенции норма в отношении выбора права, регулирующего вопрос приоритета в уступленной дебиторской задолженности, необязательно применяется к приоритету в отношении поступлений по дебиторской задолженности. В то же время будет оставлена возможность для ссылки на другие международные правовые тексты в целях обеспечения надлежащей нормы, касающейся выбора права (обратите внимание, например, на проводимую в настоящее время работу Гаагской конференции по международному частному праву по выработке международной конвенции, определяющей право, применимое к имущественным аспектам сделок с ценными бумагами, зачисляемыми на счета ценных бумаг посредника, совершающего операции с ценными бумагами).

Специальное правило в отношении приоритета в поступлениях (статья 26, пункт 2): Согласно пункту 2 статьи 26, цессионарий, имеющий приоритет в отношении уступленной дебиторской задолженности согласно применимому праву, как это определено статьей 24, имеет также приоритет в отношении любых поступлений, получаемых cedentом, при том условии что эти поступления "хранятся cedentом в пользу цессионария отдельно и являются в разумной степени отличимыми от активов cedента". Затем приводится пример "ведения отдельного депозитного счета, на котором хранятся только наличные денежные поступления по дебиторской задолженности, уступленной цессионарию".

Мы испытываем озабоченность в связи с тем, что нынешняя формулировка оставляет неясным вопрос о том, объективно или же субъективно должно проверяться требование, касающееся "разумной отличимости" активов. Достаточно ли, чтобы цедент хранил поступления отдельно от других своих активов, как, например, это имеет место в случае депонирования поступлений на отдельный банковский счет или счет ценных бумаг, даже хотя цедент является в глазах третьих сторон "кажущимся владельцем" этих поступлений? Или должны ли поступления храниться цедентом таким образом, чтобы третьей стороне без дальнейших расследований сразу стало ясно, что эти поступления не являются частью собственности цедента (например, поступления депонируются цедентом на банковский счет, обозначенный как "целевой" счет, или же на совместный банковский счет цедента и цессионария)?

По нашему мнению, для того чтобы уточнить намерение, необходимо прояснить данную формулировку. Если будет принято решение о достаточности "субъективного" критерия, то возникает новая озабоченность в отношении того, что данная норма не обеспечивает надлежащей защиты третьих сторон, становящихся непосредственно заинтересованными в поступлениях (например, через уступку счета ценных бумаг, на котором хранятся поступления), полагаясь на "кажущееся право собственности" цедента. Данная озабоченность возникает в связи с тем, что право, применимое к вопросу о приоритете права цессионария в уступленной дебиторской задолженности по конвенции (право места нахождения цедента), может отличаться от права, применимого к вопросу о приоритете конкурирующих требований в отношении соответствующих видов поступлений. Тем не менее третья сторона, приобретающая интерес в каких-либо активах, например в счете ценных бумаг, не зная о том, что данные активы представляют собой поступления по дебиторской задолженности, как правило, будет оценивать свое приоритетное положение в соответствии с правом, регулирующим вопрос о приоритете в отношении данной конкретной категории активов, а не в соответствии с правом, применимым к вопросу о приоритете в уступленной дебиторской задолженности.

* * *